

УДК 159.9; 316.6

М.Ф. Ершов

Диффузионные процессы и их осознание в культуре локального пространства

Аннотация. В статье анализируется возможность использования диффузионных, имиджелогических и постмодернистских теорий при анализе локального пространства. Отдельные компоненты традиционной культуры переносятся мигрантами из патриархальной среды на несвойственный им провинциальный уровень. Здесь новые социальные нормы принудительно навязываются индивиду. Это обстоятельство порождает у населения психический дискомфорт и регенерацию прежних ценностей. Трансформация человеческой деятельности приводит к тому, что прежние смыслы постоянно видоизменяются, поэтому значительная их часть достаточно трудно верифицируема. Данное положение вполне применимо и к исторической эволюции российской провинции.

Ключевые слова: диффузионизм, имиджелогия, история, культурный круг, локальный социум, постмодернизм, провинция, пространство, столица, традиционная культура.

M.F. Ershov

Diffusion processes and their realization in the culture of local space

Summary. The article analyzes the possibility of usage the diffusion, image-logical and postmodern theories in the analysis of local space. The individual components of traditional culture are transferred by migrants from the patriarchal environment to the unusual for them provincial level. Here, new social norms are compulsory imposed on individual. It causes the mental discomfort and regeneration of the old values among the population. Transformation of human activity leads to the fact that the old meanings are constantly changing, so the considerable part of them is hardly verifiable. This situation is quite applicable to the historical evolution of the Russian provinces too.

Keywords: diffusion, imagology, history, cultural circle, local society, post-modernism, provinces, space, capital, traditional culture.

Значимая особенность нынешнего дня – наличие множества методологических подходов в гуманитарных исследованиях. При этом присутствует некоторая незавершенность интеллектуальной экспансии альтернативных, постмодернистских, имиджелогических и диффузионных и иных теорий в исторические дисциплины. Характерно, что данному нашему времени присуще избыточное теоретизирование. Умозрительные схемы нередко моделируются без продуманной связи с историческими источниками или без учета общего контекста эпохи. Доминируют ситуативность или излишнее абстрагирование. В лучшем случае теоретические усилия сосредоточены на анализе геополитического (регионального) уровня или

исследования больших массивов традиционной или периферийной культуры.

В итоге изучение традиционной культуры, культуры повседневности, малой, локальной истории отрывается от «свежих» методологических обоснований, находится в маргинальном положении. Неслучайно, что по отношению к новым теориям провинциальное сознание во многом руководствуется консервативной позицией. Многие периферийные интеллектуалы считают их порождениями столичной моды и, следовательно, – недолговечными. Какие же существенные стороны культурных новаций сегодня возможно выделить, анализируя их социокультурную эволюцию?

1. Проникновение постмодернизма в основном осуществляется по оси «искусство – фило-

софия – исторические исследования». Поэтому далеко не случайно, что постмодернизм тяготеет к эпатажу, художественной вольности и богемной необязательности. Его родовая черта – вызов существующим нормам. Данное положение также применимо и к альтернативной истории, которая пытается заимствовать, причем не всегда удачно, естественно-научные теории [1].

2. Эволюционная траектория имиджологических концепций более извилиста. Из искусства и экономики они проникают в маркетинг, политику, а уже затем, в ограниченных масштабах, и в исторические исследования. Для имиджологии оказывается характерна наглядность, психологическая окраска [2]. Здесь оказывается важна доверительность, надо уметь нравиться, что называется «подать товар лицом». Последнее свойство плохо соотносится с критической функцией исторических дисциплин.

3. Что касается диффузионных теорий то, напротив, из сферы естественных наук они перемещаются (ирония тавтологии!) в этнологию, а затем в «чистую» историю [3]. Диффузионизм в исторических исследованиях сегодня в основном делает ставку на «цифру». Здесь господствуют конкретика, статистический, даже технократический подходы [4]. По их лекалам преимущественно изучаются процессы заимствования достижений материальной культуры, технологических новаций, особенно – в военном деле.

Таким образом, в современных исторических дисциплинах наблюдаются отсутствие стабильности, динамизм, разнонаправленность и внутренняя противоречивость исследовательских парадигм. Все это ведет к тому, что теряется привычное для профессионалов различие между объектом и субъектом, между внутренними потенциями и внешними заимствованиями. Данная «текучесть», которую невозможно проигнорировать, требует от нас обратить пристальное внимание именно на диффузионизм, для которого присуща тяга к объективным показателям. Используемые им методологические подходы, наработанные в прошлом, могут быть достаточно результативны и в сегодняшних условиях.

Стоит ли сегодня доказывать возможность использования диффузионных теорий не только в геополитическом пространстве или в больших массивах традиционной культуры, но и в приближенной к городу провинции, а также в мире порожденных ею образов? Допустимо ли, избегнув масштабов «дурных» глобальных обобщений, сместить аналитические модели культурных кругов от традиционной сферы, к иным видам локальных социумов? Как перейти от «чистой» этнографии к изучению урбанизированной среды, не сосредотачиваясь исключительно на обширной социально-экономической и политической проблематике? Настоящие вопросы пока еще далеки от окончательного разрешения.

Априори предполагается, что ответы на них должны быть по преимуществу положительными. Однако здесь неизбежны и издержки. При данном исследовательском подходе нивелируются характерные для диффузионизма ставка на уникальность новаций, его «техническая» однозначность и ригоризм. С чем связаны подобные утраты? Дело в том, что для мира периферии характерны вторичность, умолчание, недостаток и искажение образной информации, идущей из центра. Далекий центр воспринимается на местах как идеал (неважно положительный или отрицательный) и, соответственно, происходит его сакрализация.

Эманация же сакральных качеств несводима к простому заимствованию. Она требует осмысления и переосмысления идеала, его ментального конструирования. Периферия автономно творит свой образ центра, не вполне соответствующий его реальному аналогу. Благодаря этому перемещение в пространстве новых реалий, новых образов не может быть исключительно механистичным, однородным. Данное утверждение достаточно тривиально. Исследователи неоднократно фиксируют непростые взаимоотношения внутри системы «центр – периферия» [5].

Эти положения настолько часто повторяются, что во многом уже стали общим местом множества работ. Но они же выводят на новые перспективы. От тривиальных суждений всего лишь шаг до признания того, что если распространение материальной культуры, новой тех-

ники характеризуется в основном поступательным движением (отсюда и теория культурных кругов), то диффузия в социокультурной сфере с необходимостью будет связана с формированием новых конструкторов, мало похожих на заимствованный ранее интеллектуальный багаж.

В силу вышеизложенного, для диффузионизма необходимо «всего лишь» использование скрытых потенциальных возможностей теории за счет изучения распространения не только конкретных артефактов, мифов или верований. В дополнение к ним анализу подлежат ментальные установки, стереотипы и, пока еще латентные, во многом скрытые от глаз внешнего наблюдателя, способы их формирования. Максимально значимо раскрытие структур, обеспечивающих существование этой сферы. Особый интерес представляют не всегда однозначно вербализируемые в общественном сознании образы того или иного пространства и его основных персонажей, в том числе и в локальных социумах.

На этой, пока еще зыбкой площадке исторической психологии, где приходится балансировать на грани науки и не науки, концепции диффузионизма органично смыкаются с методами исторической имиджологии и даже эпатажного постмодерна. Такое объединение вынуждено, но не случайно. Классические исследовательские методы в локальных условиях работают далеко не всегда. Для периферии, с господством субъективных начал, особенно острой оказывается не вполне решенная проблема верификации. Однако именно здесь на «ничейной» земле рождаются те взаимоотношения, которые определяют специфику многих исторических российских процессов.

Эти процессы можно охарактеризовать как непубличный, даже скрытый зашифрованный диалог, или как не вполне рационально артикулируемый текст. Заключенные в нем смыслы много сложнее выделить словесно, отобразить графически или нанести на карту. Парадоксальным образом они располагаются одновременно и в локальном пространстве и вне его, в нашем провинциальном сознании, в знаменитом кантовском царстве свободы. Специфика поведения этих смыслов – нестабильность, блуждания, отсутствие четко заданной пространственной привязки [6].

Дополнительные сложности создает и сопротивление провинциальной среды, в которую привносятся новации. Не во всех случаях она готова к адаптации. Данное сопротивление способно породить инверсионное движение или традиционалистскую реакцию. Далеко не случайно, что в сфере культуры доноры и реципиенты вполне способны время от времени меняться местами. Данные рокировки отчетливо заметны на локальном уровне. Здесь постоянно присутствуют стремление к консервации, претензии на уникальность конкретного места и населяющих его людей. И здесь же наблюдается нездоровая тяга к переменам, к надуманным теоретическим обобщениям и абстрагированию.

Связано это как с особенностями человеческой психики (полноценно видеть большое в малом всегда затруднительно), так и с дробностью, минимализмом, природно-географической, экономической и культурной гетерогенностью очеловеченного пространства. Заметим, что разные уровни очеловеченного пространства (столица – провинция – деревенский или традиционный мир) обладают и разной степенью цивилизованности, отличаются особой спецификой. Исключением из общего правила является провинция. Отсюда проистекает вопрос о ее самодостаточности.

Насколько провинция автономна и где располагается ее генетическое ядро? Ответ вроде бы очевиден – в городе [7]. Именно здесь располагаются ее управленческие и экономические центры. Однако при анализе провинциальной городской культуры мы не можем игнорировать проблемы сельских мигрантов и, соответственно, тех ценностей, которые они привносят в города. Получается, что сегодня нам еще вполне понятна скрытая историческая эволюция психических процессов провинции и проблемы ее внешних культурных заимствований. Увы, пока еще наша этнология проявляет мало интереса к пространству периферийных городов.

Ясно лишь, что провинция-медиатор, опосредуя крайние звенья данной триады, оказывается максимально изменчивой. А для всякого медиатора оптимален критический настрой к обслуживаемым контрагентам. По-нашему

мнению, знание секретов управленческой «кухни» и невозможность подлинной самореализации порождают психическое напряжение, чувство отчуждения у провинциалов. Наносные и навязанные индивиду социальные нормы со временем, пусть и не вполне, но атрофируются. Соответственно в новых условиях происходит частичная регенерация традиционных ценностей. Они оказываются нужны и востребованы. Атомарный бунт одинокого индивида естественно перетекает в культурную сферу.

Так создаются предпосылки для формирования в индустриальном обществе постмодернизма или постмодерна. Ее зарождение связано с гибелью традиционного мира и пребыванием на периферии, но расцвет возможен только в столицах. Ведь провинция по отношению к новому очень часто «слепа» и «глуха». Здесь сказываются господство сферы умолчания и табуированность мышления, так характерные для территориально близкого традиционного общества. Вынужденная «возвратная» диффузия культурных компонентов из традиционного мира и мира провинции в столицу напрямую связана с горизонтальной и вертикальной мобильностью.

Некогда замкнутые традиционные компоненты рано или поздно качественно переходят от уровня синполитийных обществ к полноценному включению в культурную жизнь государства. Официальное открытие традиционной культуры есть, с одной стороны, ее признание, тиражирование. С другой же – неизбежная смерть и заражение рафинированных столиц дискретными традиционными началами. Ценности индивида, ранее находящегося наедине с природой, теперь переносятся на городскую почву. Первобытная природа заменяется искусственной, теми «каменными джунглями», где также не избежать одиночества, где «человек человеку – волк».

По сути, постмодернизм отличается амбивалентностью. Он – далекое столичное эхо трансформированной традиционной культуры. И он же – запоздавшее смеховое проявление ужаса регулярной городской среды перед наступающей мигрантской латентной неоязыческой культурой [8]. Но этот ужас во многом ри-

туален. Так прощаются родственники с телом усопшего деспотического человека. Постмодернизм символизирует освобождение человека от тесных патриархальных оков. И, одновременно, использование дискретных традиционных начал для обретения личной свободы. Культурный мир индивида оказывается един и в то же время многообразен, лишен запретов и поэтому дискомфортен.

В современных условиях изучение феномена постмодернизма и использование порожденной им методологии оформилось в так называемую «новую культурную историю». Каковы отличительные черты данного направления в исторических исследованиях? Новая культурная история демонстративно признает постмодернизм как объективно существующую реальность. Она вольна в исследовательских практиках и не стеснена догмами марксизма и позитивизма. Ее характеризуют компиляция и использование достижений других гуманитарных наук.

Указанное направление, как и постмодернизм, принципиально позиционируют себя вне глобальных обобщений и жесткой иерархии. Они не тяготеют к центру, поэтому их по преимуществу интересуют местный исторический контекст и его воздействие на формирование социальной идентичности. Внимание к символическим моделям и дешифровке их смыслов «изнутри» получило название «лингвистического поворота». Видимо, на сегодняшний день новая культурная история способна максимально полно выявить многочисленные аспекты взаимодействия традиционной, провинциальной и столичной культур.

Полагаем, что ее потенциал пока еще мало востребован в отечественных исследованиях. Этому направлению вполне по силам детально выявить, как именно растущая вширь столичная культура утрачивает территориальную обособленность и, одновременно, присваивает новые качества. Видимо, столица, перехватывая функции провинции, оказывается в итоге блеклым фоном для фрагментов расщепленной и неструктурированной культуры мигрантов, когда-то рожденной в традиционном обществе. Столичное пространство теперь переполнено почти первобытным хаосом смыслов;

только лишь постмодернистская ирония и цинизм оправдывают его относительное благополучие.

А что же провинция? С развитием транспортной инфраструктуры, средств связи и средств массовой информации она окончательно пребывает в тупике, лишается посреднических функций. Теперь ей попросту некуда переносить заимствованные столичные новации и неоткуда черпать богатейшие метафоры традиционной культуры, ведь прежний деревенский мир смещается в небытие. Экономическая целесообразность существования провинции перестает дополняться ее культурной спецификой.

Провинция все более превращается в отдаленный филиал столичного мира. Она – примитивный потребитель и поставщик ресурсов. Она – строго функциональное место рекреации уставших столичных жителей [9]. Порожденная когда-то столичным городом для его собственных потребностей провинциальная культура теперь уже не нужна ему. В новом информационном пространстве она изживает себя и перестает быть конкурентоспособной.

Более того, маргинализация культуры столицы дополняется возрастающим распадом провинции. Она не выдерживает натиска идущих с разных направлений, особенно из столицы, негативных воздействий. Стремительно исчезают характерные для нее простота и наивность. Пущенные на поток для туристов и донельзя коммерциализированные этнографические поделки и услуги для заезжих туристов нисколько не меняют положения дел. Складывается удручающая картина тотального культурного распада нестоличных пространств. Это – клиническая смерть и на сегодняшний день «покойник скорее мертв, чем жив».

Все вышеизложенное относится и к современной российской провинции. По сути, она была когда-то порождена проникновением сначала столичных, а затем и западных новаций в толщу традиционной и даже языческой культуры. История отечественной провинции полна недоговоренностей. До сих пор не ясно, когда оформилась сама российская провинция, как культурное явление, «темны» и присущие ей образы. Имеют ли они относительную са-

мостоятельность? Или являются простыми слепоками с социально-экономических процессов? Как выявить традиционные начала в периферийной неполноценной городской среде? Внятные ответы на эти и иные вопросы отсутствуют.

Так, например, не вполне ясно, каково соотношение между столичной концепцией «Москва – Третий Рим» и фактическим формированием русской провинции. Как с течением времени в данной интеллектуальной структуре менялось ее скрытое культурное содержание? Оно до конца оставалось христианским или прежнее начало было со временем вытеснено окружающим латентным язычеством? Вопросы далеко не праздные. Они злободневны, лишены академической сухости и теоретической отстраненности. Еще свежи в памяти мифологемы недавнего атеистически-языческого прошлого, порожденные творческими усилиями Филофея: «Москва – лучший город земли» или «Москва – образцовый коммунистический город».

Заметим, что весьма привлекательный Петербург оказался в культурном плане обделен такими превосходными степенями. По отношению к Западу он провинциален. В лучшем случае северную столицу называют самым европейским городом России (то есть культурный эталон находится за границей). В непростых конкурентных взаимоотношениях двух столиц прослеживается определенная тенденция. Налицо, подмеченная еще Августином Аврелием, ориентация столицы на воплощение на земле, на материализацию Божественного мира. При дефиците сакральных свойств они вынужденно замещаются их культурными эрзацами. Соответственно, сакральный мир имеет разнонаправленные тенденции. Он поочередно или материализуется, или дематериализуется на определенной территории.

Полагаем, что отечественная провинция формировалась одновременно с рождением Петербурга. Именно тогда началась десакрализация образа Святой Руси. Характерно, что в новом городе очень быстро укоренились языческие образы, привнесенные сюда мигрантами. Благодаря реформам Петра Великого был поставлен на повестку дня вопрос о степени отсталости периферийной России. И в их ходе

выяснилось, что наше государство крайне неоднородно в экономическом и культурном отношении. Если в столичном мире петровские реформы были, в целом, удачны, то в российской полуязыческой глубинке они вязли [10]. Требовалось распространить европейскую цивилизованность на нестоличное пространство.

Данное культуртрегерство нельзя воспринимать только как поступательное движение из столиц. Поверхностные аналогии с покорением Дикого Запада в Америке уместны, но недостаточны [11]. Линии российского фронта имели мало общего с европейским переселением в Новый Свет. Крупные культурные центры формировались вне зависимости от их близости к европейской метрополии. Полагаем, что отечественный «фронт» имел своеобразную конфигурацию и неповторимые специфические черты. Его линии были мало связаны с вектором «Запад – Восток». Они сравнительно быстро перестали разделять прибывших и аборигенов, сместившись в иную плоскость.

И в европейской России, и в Сибири в частности, происходила не столько встреча дикости и цивилизации, сколько неоднозначное взаимодействие традиционных культур и привносимой в регион культуры Нового времени. Представители традиционных культур (как аборигены, так и русские) пытались сохранить (и отчасти сохраняли) свой прежний уклад. Го-

сударство и индустриальное общество, «идущие» на восток, и, одновременно, из местных административных центров, напротив, навязывали им новые цивилизационные устои.

При этом внешние приказные успехи компенсировались инверсионным проникновением традиционной культуры на собственно городскую территорию. Возникал своеобразный симбиоз старого и нового. Именно отсюда проистекают специфические черты исторической эволюции провинциальных образов. Образование культурных гнезд, зафиксированное Н.К. Пиксановым [9], отображает не только динамику, но и альтернативные возможности российской периферии. Наша постоянная неустроенность, ощущение временности пребывания, ситуативность поступков означают, что отечественная провинция, ее образы и ее судьба еще не сформированы окончательно и, соответственно, не осознаны по-настоящему.

Итак, мы видим, что диффузионизм, как интеллектуальная конструкция, и сегодня находится в постоянной эволюции. Данная теория, отображающая трансформацию пространства, еще не исчерпала своих возможностей. Она оказалась способна пройти путь от упрощенной метафизики до внутренне противоречивых диалектических оснований. Впрочем, это относится не только к ней, но и к осознанию любого развития вообще.

Литература

1. Данилов А.Г. Россия: на перекрестках истории XIV-XIX вв. Ростов-н/Д, 2010.
2. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. 343 с.
3. Алексеева Е.А. Экзогенные факторы и диффузионные механизмы развития Российской империи: историографические аспекты // Уральский исторический вестник. – 2005. – № 10-11. – С. 29-60.
4. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. I-II. М., 2011. 376 с.
5. Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и микросистема. М., 2004.
6. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. Политическое развитие и модернизация. Современные исследования: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. политической науки. (2003, № 3). С. 42-65.
7. Ершов М.Ф. Генезис города: теоретические аспекты // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск, 2010. – № 6. – С. 20-26.
8. Ершов М.Ф. История и постмодернизм (или становление новой городской культуры) // Первая Всероссий. НПК ученых-историков и преподавателей. Москва, 2011. С. 357-362.

9. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведческий семинар. М. – Л., 1928. 148 с.
10. Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху Петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711-1727 гг.). Екатеринбург, 2007. 608 с.
11. Резун Д.Я. О некоторых моментах осмысления истории фронта в Сибири и Северной Америке XVII-XVIII вв. // Американские исследования в Сибири: Матер. Всерос. науч. конф. «Американский и Сибирский фронт». Томск, 2001. Вып. 5. С. 135-145.

References

1. Danilov A.G. Rossiya: na perekrestkah istorii XIV-XIX vv. Rostov-n/D, 2010.
2. Rodigina N.N. «Drugaja Rossiya»: obraz Sibiri v russkoj zhurnal'noj presse vtoroj poloviny XIX – nachala XIX veka. Novosibirsk, 2006. 343 s.
3. Alekseeva E.A. Jekzogennye faktory i diffuzionnye mehanizmy razvitija Rossijskoj imperii: istoriograficheskie aspekty // Ural'skij istoricheskij vestnik. – 2005. – № 10-11. – S. 29-60.
4. Nefedov S.A. Istorija Rossii. Faktornyj analiz. T. I-II. M., 2011. 376 s.
5. Kagarlickij B. Periferijnaja imperija: Rossiya i mikrosistema. M., 2004.
6. Karozers T. Konec paradigmy tranzita // Politicheskaja nauka. Politicheskoe razvitie i modernizacija. Sovremennye issledovanija: Sb. nauch. tr. / RAN INION. Centr social. nauch.-inform. issled. Otd. politicheskoi nauki. (2003, № 3). S. 42-65.
7. Ershov M.F. Genezis goroda: teoreticheskie aspekty // Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser. «Gumanitarnye i social'nye nauki». Arhangel'sk, 2010. – № 6. – S. 20-26.
8. Ershov M.F. Istorija i postmodernizm (ili stanovlenie novoj gorodskoj kul'tury) // Pervaja Vseros. NPK uchenyh-istorikov i преподавателей. Moskva, 2011. S. 357-362.
9. Piksano N.K. Oblastnye kul'turnye gnezda. Istoriko-kraevedcheskij seminar. M. – L., 1928. 148 s.
10. Redin D.A. Administrativnye struktury i bjurokratija Urala v jepohu Petrovskih reform (zapadnye uezdy Sibirskoj gubernii v 1711-1727 gg.). Ekaterinburg, 2007. 608 s.
11. Rezun D.Ja. O nekotoryh momentah osmyslenija istorii frontira v Sibiri i Severnoj Amerike XVII-XVIII vv. // Amerikanske issledovanija v Sibiri: Mater. Vseros. nauch. konf. «Amerikanskij i Sibirskij frontir». Tomsk, 2001. Vyp. 5. S. 135-145.